

http://russianshanson.info/?id=445&attr=4&album_id=1611&text=16378 [11.02.2020]. **11.** Окуджава Б.Ш. Песенка о солдатских сапогах http://bard.ru.com/php/print_txt.php?id=36.008 [11.02.2020]. **12.** Кукин Ю.А. Солдат Киплинга <http://www.bards.ru/archives/part.asp?id=7551> [11.02.2020]. **13.** Берковский В.С. <https://yandex.ru/video/preview/> [11.02.2020]. **14.** Городницкий А.М. Колокол Ллойда. <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=49744> [11.02.2020]. **15.** Smith G.S. Songs to Seven Strings. Russian Guitar Poetry and Soviet “Mass Song.” Bloomington: Indiana University Press, 1984. 271 p.

Вероника Разумовская

г. Красноярск, Российская Федерация

Нарратив Марии Степановой: предпереводческий взгляд

The present article deals with the pre-translation analysis of Maria Stepanova’s literary texts and mostly her latest novel, whose title has been translated as “In Memory of Memory” or “Post-Memory”. The novel is devoted to the history of the author’s family, individual, family and collective memories forming the cultural memory of national and international range and blends various memoirs, documents, and essays into an epic narrative. Particular attention is paid to the notion of “idionarration” described from the point of narrative technique and in the translation perspective. “Idionarration” is hypothetically defined as a possible unit of literary translation.

Keywords: literary text, belletristic literature, prosaic and poetic narration, narrative technique, pre-translation analysis, unit of literary translation, “In Memory of Memory”/ “Post-Memory”

Как неособьект практически безграничного и крайне разнообразного поля гуманитаристики, нарратив наиболее часто исследуется в областях лингвистики и литературоведения, что убедительно свидетельствует о традиционном разделении языковедческих и литературоведческих интересов. При этом необходимо согласиться с мнением большинства исследователей о том, что указанное разделение приводит к тому, что «накопление знаний одной из «сторон» не привносит существенных изменений во «взгляды» другой» [1, с. 159]. Тем не менее филологический дискурс обнаруживает ряд проблем, успешное решение которых возможно только тогда, когда обе указанные «стороны» ориентированы на изучение общего объекта, которым в данном случае и является рассматриваемый в статье нарратив. Признавая очевидную лингвистическую и литературоведческую ограниченность и догматизацию нарратологии, исследователи также отмечают наличие в ней

ряда лакун, которые стимулируют интерес изучения различных видов нарратива. Одной из таких лакун является авторский художественный нарратив. Именно в данном случае лингвистическая и литературоведческая стороны нарратива могут и должны обнаруживать необходимое сближение, позволяющее, например, наиболее полно описать «идионарратив» – индивидуальный нарратив мастера художественного слова. Данный подход в полной мере соответствует универсальному принципу дополнительности, который был введен в научный дискурс датским физиком Н. Бором и позволяет описать любой научный объект с разных, порой взаимоисключающих сторон. Несомненная важность и значимость данного принципа для процесса научного анализа постулируется в следующем высказывании: «...наша способность анализировать гармонию окружающего мира и широта его восприятия всегда будут находиться во взаимно исключающем, дополнительном соотношении» [2, с. 87-88]. Таким образом, принцип дополнительности оказывается напрямую связанным с проблемой единства знания. Популярная идея единства знаний может быть сформулирована и как идея единства информации. Осознание проблемы единства информации тесно связано с радикальными изменениями представлений современного человека об окружающей его реальности, с фундаментальной перестройкой установок на понимание природы структурности реальности, что в конечном итоге и обеспечивает преодоление феноменологизма [3]. Реальное применение принципа дополнительности дает возможность рассматривать различные явления науки и искусства, совмещающие в себе континуальность мышления и дискретность восприятия, как цельные сложные единицы, которые и являются важнейшими объектами современной науки и искусства. Из этого следует, что возможность эффективного использования принципа дополнительности в предметном поле гуманитарных наук можно наглядно проиллюстрировать его применением в методологии изучения художественного нарратива.

В данном контексте большой интерес представляют авторы, создающие прозаические и поэтические художественные тексты. Изучение текстов таких писателей вносит значительный вклад в общую и частную нарратологию, которые находятся еще на этапе своего становления. И прежде всего в нарратологию художественной прозы и поэзии. Действительно, «нарратология практически не уделяет внимания поэтическим повествованиям в их художественном своеобразии, между тем стихотворные нарративы – существенная по объему и значению часть повествовательного корпуса» [4, с. 25].

Понятие нарративности предполагает изложение события (трактуемое как внутреннее или внешнее изменение [5]) и обязательное наличие «носителя изложения» [6], который задает точку зрения изложения. Исследователи отмечают, что для формирования точки зрения первостепенное значение имеют следующие критерии: последовательность, реализуемость и достоверность. В данном контексте крайне важно отметить, что читателю текста должна быть понятна точка зрения автора воспринимаемого им повествования, которая для достижения данной цели должна быть выдержана на протяжении всего текста или его целостного фрагмента.

Среди знаковых имен современной русской литературы особое место занимает Мария Степанова – поэт, прозаик, переводчик и эссеист, отмеченная многочисленными отечественными и иностранными наградами и премиями. Примечательно, что у Степановой трудно разделить прозу и поэзию. Если быть более точным, то относительно художественных текстов Степановой следует говорить не о поэзии и прозе, а о поэзии и «не-поэзии». Интересным является и то, что в своем творчестве Степанова намеренно меняет прозу и поэзию местами. Так, книга поэтических текстов, имеющая увлекательный повествовательный сюжет, принадлежащая по мнению С.П. Гудковой к поэтическому течению «нового эпоса» и ставшая ярким примером его развития, получает название «Проза Ивана Сидорова». Вслед за Б.В. Томашевским, определившего поэзию и прозу «не как две области с твердой границей, а как два полюса, два центра тяготения, вокруг которых исторически расположились реальные факты» [7, с. 13], и Ф. Сваровским [8], ставшим одним из идейных вдохновителей нового литературного течения, Гудкова пишет об реактуализации лиро-эпической формы, представляющей собой пример сближения двух типов организации художественной речи [9], их симбиоз в пространстве текстов Степановой. Не менее интересно наблюдение Гудковой и теоретиков нового литературного движения о том, что в подобного рода текстах кардинально меняется отношение к нарративу. Исследователь отмечает, что для таких текстов (и в частности для текста книги Степановой) обязательно «наличие захватывающего сюжета, ориентированного на фантастическое, метафизическое событие, в основе которого лежит героическое начало; действующий герой или герои маргинальны по своей сущности; построение сюжета подобно созданию фрагментов киносценария с многообразной сменой кадров; использование авторской маски, при этом не происходит отождествления автора ни с героем, ни с рассказчиком, автор со своим голосом не вмешивается в

ход событий. Особое значение приобретает авторская игра с культурными контекстами, соединение которых создает некую дополнительную реальность, где происходит основное действие» [9, с. 185]. В данном контексте нельзя не вспомнить меткое высказывание М. Липовецкого о том, что «Проза Ивана Сидорова» является стихотворной повестью [10].

Комплементарное сочетание двух видов организации художественной речи в творчестве автора позволяет выделить некий «идионарратив» Степановой. Необходимо отметить, что в качестве нарративного фокуса автор нередко выбирает память. И бесспорной вершиной нарратива памяти становится прозаическое произведение «Памяти памяти», доминирующим нарративом которого является жизненная история семьи автора. Если быть более точным, история (и очень тесно связанный с ней феномен памяти – В.Р.) является содержанием нарратива [11, с. 91]. Также отметим, что текст «Памяти памяти» является нарративным и в силу того, что на уровне изображаемого мира он обладает темпоральной структурой и излагает изменение состояния [1]. Книга, вышедшая в 2017 году, была отмечена как лучшая русская проза и в 2018 году получила национальную литературную премию «Большая книга». Издание «ПИТЕРВООК» приводит суждение Н. Александрова, отражающее широко распространенное мнение о книге и ее месте в русской литературе новейшего времени: «Памяти памяти» Марии Степановой – главная книга не только этого года, но последнего времени вообще» [12]. Критик И. Шевеленко определяет произведение Степановой как «роман воспитания» и отмечает, что новостью в книге Степановой как раз оказывается устройство нарратива, точнее то, что в ней становится нарративом. Далее Шевеленко выделяет типичные элементы романа воспитания: «путешествия героя, его встречи с новыми местами и людьми, вещами, книгами и идеями – при переходе от первой части ко второй дополняются серией «вставных новелл», рассказывающих о чужом опыте взаимодействия с прошлым и настоящим, с движением времени и пониманием собственного «я» перед его лицом. В каждом из этих сюжетов находит частичное отражение ситуация рассказчицы «Памяти памяти», а все они в целом складываются во впечатляющую галерею *case studies*» [13]. И это все обеспечивает уникальную нарративность семейной саги (эпоса, истории) Степановой. Читатель встречается в данном нарративе с различными деятелями культуры и науки, прецедентными текстами различных жанров (широкое использование приема «текст в тексте»), что позволяет говорить о том, что в тексте книги представлена не исключительно семейная память, а

семейная культурная память и травматическая постпамять ряда поколений не только России, но и всего современного мира. По мнению А. Приймак, книга Марии Степановой – феномен, выходящий за рамки русского культурного контекста [14]. И именно культурная поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность, а также сложный нарративный рисунок делают «Память памяти» и другие произведения Степановой бесспорным вызовом для их переводчиков. Несомненный интерес в переводческом аспекте представляет мнение переводчика и, в частности, такого известного переводчика современной русской литературы на английский язык как Лиза Хейден, получившей известность за переводы произведений Е. Водолазкина. Называя произведение «Памяти памяти» «метароманом», Хейден отмечает объективную сложность перевода данного художественного текста и задает вопрос о том, есть ли уже переводчик, который взялся за перевод этой книги. И в профессиональном сообществе переводчиков она находит утвердительный ответ на свой вопрос: книгу переводит Саша Дугдейл – автор переводов поэтических текстов Марии Степановой [15].

На настоящий момент сравнительно мало исследований посвящено изучению нарратива в аспекте перевода. Обращение к художественному нарративу и прежде всего к авторскому нарративу (определяемому в данной работе как «идионарратив») позволяет уверенно отнести его к неединицам художественного перевода наряду с предложенными ранее единицами, к которым относится семантическая ситуация [16], художественный образ [17; 18] и культурная память [19; 20]. Особенности поэтического и прозаического нарратива Степановой позволяют сделать вывод об определенном синкретизме авторского нарратива и делают такой нарратив потенциальной гиперединицей художественного перевода, обнаруживающей тесную взаимосвязь с культурной памятью.

Литература

1. Дуринова Г.В. Поэтический нарратив как объект лингвистики текста (поэма К. Рылеева «Войнаровский»). *Современное русское языкознание и лингводидактика: сборник научных трудов, посвященный 95-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского*. М.: МФЮА, 2018. С. 159-169.
2. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 152 с.
3. Солонин Ю.Н. К проблеме единства научного знания. *Гуманитарий ежегодник*. № 1. СПб., 1995. С. 29-36.
4. Лозинская Е.В. Поэтическое повествование: дискуссия в журнале «Нарратив», 2009–2014 (Сводный реферат). *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: литературоведение*. № 3. 2016. С. 25-34.

5. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
6. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 530 с. 7. Томашевский Б.В. Стих и язык. Филологические очерки. М.; Л.: Учпедгиз, 1959. 234 с.
8. Сваровский Ф. Несколько слов о «новом эпосе». *РЕЦ*, 2007, № 44. [Электронная версия]. Режим доступа: URL: <http://www.polutona.ru/rets/rets44.pdf> (дата обращения 23.01.20).
9. Гудкова С.П. О новых тенденциях в современной поэзии: к вопросу о художественной специфике книги М. Степановой «Проза Ивана Сидорова». *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*, 2009, № 118. С. 184-188. 10. Липовецкий М. Родина-жуть. О «Прозе Ивана Сидорова» Марии Степановой. *НЛО*, 2008, № 89. С. 248-256. 11. Prince G.A *Dictionary of Narratology*. Lincoln: University of Nebraska Press. 2003. 126 p. 12. Спорная книга. Мария Степанова. «Памяти памяти». [Электронная версия]. Режим доступа: <https://krupaspb.ru/zhurnal-piterbook/intervyu/spornaya-knigamariya-stepanova-pamyati-pamyati.html> (дата обращения 23.01.20).
13. Шевеленко И. «Памяти памяти»: романс воспитания. [Электронная версия]. Режим доступа: <https://seance.ru/articles/memory-memory-review/> (дата обращения 23.01.20).
14. Приймак А. Без разрешения, без спроса (о книге Марии Степановой). [Электронная версия]. Режим доступа: <http://textura.club/bez-sprosa/> (дата обращения 25.01.20).
15. Hayden L. 2018 Big Book Award Winners. [Электронная версия]. Режим доступа: <http://lizoksbooks.blogspot.com/2018/12/2018-big-book-award-winners.html> (дата обращения 25.01.20).
16. Разумовская В.А. Семантическая ситуация как единица художественного перевода. *Вестник Московского городского педагогического университета*, № 1 (11). М.: Изд-во Московского городского пед. университета, 2013. С. 72-80. 17. Разумовская В.А. Художественный образ как единица перевода: булгаковская Маргарита. *Вестник Челябинского гос. университета. Филология. Искусствоведение*. Выпуск 88. № 6 (335). Челябинск, 2014. С. 25-32. 18. Razumovskaya V.A. The Image of Russian Language and Literature in M. Shishkin's Story "Calligraphy Lesson": Object and Unit of Translation. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 3 (2017 10). Pp. 385-393. 19. Разумовская В.А. Культурная память олонхо как единица перевода. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение*. 2018. №3 (11). С. 42-55. 20. Разумовская В.А. Русская культурная память в романе Евгения Водолазкина *Лавр*: переводческая перспектива. *Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин*: Коллективная монография под редакцией Анны Скотницкой и Януша Свежего. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. С. 475-485.